

Моим родителям

ГЛАВА 1,

в которой я, по случаю празднования Ту бе-ава¹,
делаю первый шаг к своей гибели

По прошествии времени я попытался объяснить ребе Морицу, что такого смешного в том, что мое страшное преступление спасло всю нашу общину. Он ничего не понял — то ли слишком рассвирепел, то ли голова у него была занята другими мыслями, то ли у него вообще нет чувства юмора.

¹ Ту бе-ав (пятнадцатый день месяца ава; по нашему календарю приходится на июль-август) — еврейский праздник, действительно имеющий довольно сложный смысл и происхождение; в современной традиции он отмечается лишь в немногих общинах и считается днем радости и любви.

Сразу отметим, что по всему тексту еврейские слова — вне зависимости от их происхождения, из древнееврейского, иврита или идиша, — даны так, как они произносятся на языке восточноевропейских евреев идише (а не на иврите), потому что так их произносят американские ортодоксы. Например, вместо более привычного нам «шаббат» они говорят «шабес». — *Здесь и далее прим. перев.*

Теперь-то мне не до смеха: из-за этой истории я лишился будущего, попал в реанимацию, непоправимо испортил репутацию и себе, и всему своему семейству. Но тогда казалось — забавно.

Началось все в Ту бе-ав, один из самых малопонятных еврейских праздников. Я — из ортодоксов¹, но даже я толком не помню, что там за история. Вспомнил, только когда выглянул в окно и увидел девушку в белом. Она шла по тротуару на противоположной стороне улицы.

Сам я был на занятии по галахе² — учил еврейский закон. Обсуждали мы ритуальное омовение рук. Ребе³ Мориц ходил туда-сюда перед доской, читал выдержки из «Шулхан-арух»⁴, время от времени что-то писал на доске по-английски или по-древнееврейски.

Я иногда отвлекался, потому что рядом со мной Мойше-Цви Гутман чавкал овсяными хлопьями, а еще иногда отвле-

¹ В иудаизме существует много течений, отличающихся друг от друга степенью строгости соблюдения религиозных законов и следования им в быту. Ортодоксы считаются приверженцами самой древней ветви иудаизма, большое внимание у них уделяется религиозному воспитанию детей и внушению им «правильного» представления о еврейском образе жизни.

² Галаха — совокупность законов, которые определяют, как еврей должен вести себя в семейной, религиозной и общинной жизни, то есть правил поведения в обществе.

³ Ребе — уважительное обращение к духовному лицу, прежде всего к религиозному наставнику.

⁴ «Шулхан-арух» («Накрытый стол») — книга, написанная в XVI веке раввином Йосефом Каро, в которой изложено, как именно еврей должен в реальной жизни исполнять религиозные установления.

кался, потому что Эфраим Резников читал «Шулхан-арух» по своей книжке, но у них с ребе Морицем выходило вразнобой. Но сильнее всего меня отвлекали попытки вспомнить, чему же посвящен праздник Ту бе-ав.

Спросить лучшего друга Мойше-Цви я не мог — он бы стал надо мной смеяться из-за моего невежества. Мойше-Цви учится очень старательно, и, если ты не дотягиваешь до него в знаниях, он тут же дает тебе понять, какой ты шмук¹. Поэтому я просто уставился в окно — мол, ответ можно найти где-то там, на улице. И нашел.

Потому что девушка вдруг начала танцевать, поводить руками, покачивать телом.

Тут я и вспомнил, что Ту бе-ав как-то связан с танцующими девушками и виноградом — в библейские времена урожай винограда был довольно важной штукой. Пока убирали виноград, все незамужние девушки из Иерусалима отправлялись на виноградники и танцевали там, одетые в простые белые платица. А поскольку все девушки были в простых белых платицах, юношам было не разобрать, богатая это девушка или бедная и даже какого она роду-племени. Воцарялось эдакое всеобщее равенство, и юноша мог выбрать себе жену, не думая о том, бедна ли она и не происходит ли из какого-нибудь нехорошего рода, соперничающего с его родом.

¹ Шмук — слово из идиша, означающее тупого, бестолкового, неприятного человека.

На девушке за окном не было белого платица, у нас все-таки двадцать первый век. На ней была белая футболка, из-под коротких рукавов выглядывали худенькие руки. Футболка доходила до шортиков, почти полностью открывавших ее ноги. Ноги кончались белыми адидасовскими кроссовками с голубой полоской.

Она танцевала. Почему она танцевала? Рядом на тротуаре не было никого, кроме белой собачки. Я подумал: странное поведение, но кто их знает, нееврейских девушек, может, они все время танцуют для своих собак. Я без понятия. Мне вообще не положено глядеть на нееврейских девушек. Наверное, бывают и еврейские девушки, которые так одеваются, но я ни с одной такой не знаком. Да если она и еврейская девушка, одетая таким образом, мне все равно не позволено на нее смотреть.

А потом она перестала танцевать, подошла к стволу дерева, нагнулась, подняла мобильный телефон. Она что, снимала свой танец на видео? Девушка выпрямилась, огляделась, поймала мой взгляд. Ну или мне так показалось. Трудно сказать на таком расстоянии, но, когда она посмотрела на меня — или на нашу школу, — я рефлекторно отвел глаза, уставился на доску и на ребе Морица. Трудно представить себе больший контраст, чем между ребе и девушкой. Он был в плотном черном костюме, с огромной бородой. Кроме того, когда Мориц говорил, он плевался. На верхней губе у него блестели капельки слюны.

— Почему, согласно тексту, мы должны, вставая по утрам, омыwać руки? — спросил ребе. — Почему, прежде чем пройти четыре локтя¹, мы должны совершить омовение?

Рувен тут же зачастил:

— Ночью у злых духов появляется возможность войти в наше тело. Вот мы их и смываем — духов.

— Великолепно. Как сказал Рувен, ночью мы уязвимы, — продолжал Мориц, причем голос его нарастал до самого «уязвимы», а потом пауза — и голос пошел вниз, — не только для злых духов, но и для чего еще? — Опять нарастание, вместо вопросительного знака — тонкий писк. — Для чего еще?

Опять Рувен:

— Приходят духи, и, по одному из прочтений, души наши уходят, да?

— Верно. Души уходят через руки. Когда мы совершаем омовение и произносим молитву «Мойде-анье»², души наши возвращаются, и мы готовы служить Хашему³.

У Морица все речи заканчиваются одинаково — служением Богу.

¹ Примерно два метра.

² «Мойде-анье» («Возношу благодарность») — короткая утренняя молитва, благодарение Богу за то, что он утром возвратил спящему душу; произносится по пробуждении.

³ Хашем («Имя») — в иудаизме — одно из обозначений Бога. Поскольку имя Всевышнего произносить запрещено, вместо него используются всевозможные «замещающие» слова.

— А если надеть перчатки? — поинтересовался Мойше-Цви. Он еще не доел свои хлопья, но тут сделал паузу и помахал пластмассовой ложкой, забрызгав стол каплями молока. — В смысле когда спишь. Потом все равно нужно мыть руки?

Ребе Мориц перестал ходить.

— Хороший вопрос, — сказал он. — Я бы ответил, основываясь на тексте, что, если на тебе перчатки, душа останется в теле. Хотя, разумеется, спать в перчатках непрактично.

— Ясно, — сказал Мойше-Цви, почесывая голый подбородок. — Ну а если в перчатках будет дырочка? Какого душа размера? И она умеет... пролезать?

— Мне кажется, вопрос не в том, какого размера дырочка в перчатках, а в том, знает ли тот, кто надел перчатки, о ее существовании, — ответил ребе Мориц.

Вечная история. В иудаизме есть законы почти на любой случай: как закалывать животных, как смотреть телевизор, не нарушая при этом шабес (нашу Субботу, день отдыха), когда и как долго воздерживаться от пищи в дни поста (у нас их много). Но фишка в том, что следовать законам обязательно только в том случае, если вы про них знаете. Если вы еврей, но сами почему-то не в курсе, вы вообще не обязаны соблюдать эти законы. Ну это, типа, как пойти в «Уолмарт» и стащить кучу всякого барахла, потом приходит полицейский и хочет вас арестовать, а вы такой: «Стоп-стоп, я понятия не имел, что эти вещи нельзя брать, не заплатив», — а полицейский на это:

«А, ну ладно, простите, пожалуйста. Хорошего дня. Смотрите свой краденый телик».

У меня тоже был к ребе вопрос, но я так увлекся происходившим за окном, что вопрос куда-то ускользнул. Как и девушка — была и нет.

— А если дырка довольно большая? — не отставал Мойше-Цви. — Такая большая, что вы не сможете потом отрицать, что знали про нее? Ну, например, так повернули руку, что вам дырку не видно, но вы ее все равно чувствуете.

— Тогда омовение необходимо.

Ребе Мориц снова взял книгу и собирался перевернуть страницу, но Мойше-Цви все не унимался.

— А если, допустим, Худи спит в перчатках, знает, что там дырка, а потом я как тресну его по голове тяжелым куском арматуры — и он из-за травмы головы забудет про дыру в перчатке?

Ребе Мориц призадумался, несколько раз медленно, размеренно кивнул.

— Все зависит от того, в каком состоянии рассудка он пробудится ото сна. Пошли дальше?

— Нет, — сказал Мойше-Цви. — Мы еще не поговорили о том, можно ли спать в перчатках без пальцев.

— Ой, Мой-ши-и-ик.

Мориц поехал дальше. Заговорил про собственно омовение, как его делать правильно. Я не слушал — отчасти потому, что, если не знать, как правильно, можно делать по-своему.

Но в основном не слушал я потому, что совсем отвлекся, глядел в окно, высматривал эту праздничную девушку в белом. Она исчезла, и я начал сомневаться, видел ли ее вообще. Может, она просто плод моего воображения, физическое воплощение моих мыслей о Ту бе-аве, образ девушки, танцующей в платье на сборе винограда, сложившийся у меня в голове.

Нужно было это выяснить.

Я встал из-за стола. Мойше-Цви, когда я проходил мимо, вручил мне пластмассовую миску из-под хлопьев. Я вышел, допивая сладковатое молоко. Выбросил миску в урну у входа, надел свою черную шляпу.

Когда я иду погулять, то всегда стараюсь надеть пиджак и шляпу. Чтобы выглядеть солидно и почтенно. «Респектабельно», как говорит мой папа.

Лето еще не кончилось, на улице пахло скошенной травой. Вдалеке жужжала косилка. Деревья, растущие вдоль улицы, покачивались под приятным ветерком.

Обычно я хожу медленно, задумавшись. Не обращаю внимания, ни где нахожусь, ни куда направляюсь. Но сегодня я двигался целеустремленно, систематично осматривал все перекрестки, бросал хотя бы один взгляд на каждую улицу.

Увидел я ее на Целлан. Она дергала за поводок, тащила за собой собачку, но та учуяла что-то интересное у ствола дерева и рыла землю, согнув лапы, сопротивляясь.

Я медленно двинулся к девушке, с каждым шагом нервничая все сильнее. Я ни разу еще не говорил ни с одной из живу-

щих по соседству девушек. Студентам иешивы¹ не разрешается говорить с девушками, а уж тем более с девушками в такой одежде. Я, собственно, и не хотел с ней говорить. Но что-то меня заставляло. Меня к ней тянуло, как будто я попал в какой-то намагниченный луч из научной фантастики.

Нынче Ту бе-ав. Она в белом. Может, именно этого от меня и хочет Бог.

Она занималась собакой и не заметила, как я подошел. Я попытался придумать умную фразу, чтобы начать разговор.

— Э-э... — сказал я.

Взвесив множество равнозначных вариантов, я решил, что «э-э» подходит лучше всего.

— Ой! — Она подняла голову.

Собака воспользовалась возможностью, рванула к дереву и принялась шумно его обнюхивать. Пока девушка меня разглядывала, собака успела описать ствол.

Вид у девушки был такой, будто у меня восемь голов.

— Классная шляпа, — наконец сказала она.

¹ Иешива — еврейская религиозная школа для мальчиков. Первой ступенью обучения для мальчиков является хедер, куда отправляют в пять лет. По достижении совершеннолетия мальчики поступают в иешиву, где обучение делится на несколько уровней (Худи пока на первом); в современной американской иешиве преподают и светские предметы, но, как мы увидим дальше, не слишком охотно и глубоко. Главное — в подробностях ознакомить учащихся с еврейскими священными текстами, их толкованиями и традицией. Их хорошее знание делает молодого человека «достойным» членом общины, готовым, в частности, к вступлению в брак. После окончания высшего уровня иешивы (например, Иешива-университета) выпускник становится раввином.

Глаза у нее были темно-карие, иссиня-черные волосы связаны в тугой хвост.

— Спасибо, — ответил я. — Это борсалино.

Шляпа — самое ценное мое имущество, подарок родителей на бар-мицву¹. Девушка не ответила, и я поведал ей, что шляпа итальянская.

— Ясно, — сказала она.

Я неловко переступил с ноги на ногу. Успел вспотеть. Ветерок стих, жара стояла страшная — в этом, наверное, все дело.

Мне хотелось сбежать. Было видно, что и ей хочется тоже. Когда собака потянула за поводок, у девушки на лице появилось облегчение, она сделала шаг в сторону.

— А как зовут собаку? — спросил я. Вообще-то не собирался. Собирался промолчать. Пусть себе идет — а я тихомирно проживу всю оставшуюся жизнь без таких вот неловких ощущений. Но все-таки я заговорил, почти против воли.

— Борнео, — ответила она. — Ну, как остров.

Я про Борнео никогда не слышал, но решил не подавать виду.

— А, ну да, — сказал я. — Остров. Типа... в океане. — Острова ведь обычно там, верно? В океане. — А как тебя зовут? — Вырвалось само, я не успел удержать.

¹ Бар-мицва (буквально «Сын заповеди») — церемония вступления в статус взрослого мужчины, которую мальчик проходит по достижении религиозного совершеннолетия (в 13 лет). После этого он, а не его родители, считается ответственным за все свои поступки и за соблюдение еврейского закона. Бар-мицва — большой праздник в семье, на котором герой получает много подарков.

— Анна-Мари. — Фамилию она тоже назвала, Диаз-что-то-там, но я не расслышал.

— Блин, — сказал я. Что-то слова совсем перестали мне подчиняться.

— Чего? — не поняла она.

Спрашивая ее имя, я надеялся втайне, что она Хая или Эстер. Так ведь нет. Она Анна-Мари. Просто Анна — еще можно было бы на что-то надеяться. Я уже понял по шортам, что она не больно религиозная и уж явно не фрум¹ — не как я. Анна без дефиса еще худо-бедно могла быть еврейкой, пусть и светской. Тут поблизости живут кое-какие светские евреи. В соседнем городке есть реформистская синагога и гастрономия.

Но Анна-Мари? Самое что ни на есть гойское² имя.

Когда Анна-Мари дернула локтем и потянула за поводок, над воротом футболки мелькнул крестик. Прыгнул туда-сюда на серебряной цепочке прямо между ключицами. Я смотрел в полном отчаянии.

Она явно опять решила уйти.

— Я Худи, — сказал я.

— Худи?

¹ Фрум — «набожный». Так называют людей, строго придерживающихся традиционных еврейских установлений и ведущих полномасштабную религиозную жизнь.

² Гой (гойка) — слово, обозначающее нееврея. Имеет легкий отрицательный оттенок, но скорее в смысле «не наш человек». Куда более отрицательное — шейгес (шикса), о чем речь будет ниже.

— Типа, как свитер. — Я сделал движение, будто накидываю на голову капюшон.

Анна-Мари протянула мне руку для пожатия. Я посмотрел. Пальцы тонкие, ногти аккуратно выкрашены в аквамариновый цвет. Аквамарин. Анна-Мари. Страшно хотелось пожать аквамариновую руку Анны-Мари. Я оглянулся — не видит ли кто. Никого. И все равно не смог. Бар-мицва позади, мы с ней не женаты, дотрагиваться до нее нельзя. Так и тарасился на ее руку, пока она ее не убрала.

— Ладно, Худи, нам с Борнео пора.

— А ты тут неподалеку живешь? — спросил я.

— Нет. Я, типа, на такси сюда езжу с собакой погулять.

Я рассмеялся, напряжение слегка спало.

— Дурацкий вопрос, — сказал я. — Приятно было познакомиться, Анна-Мари.

Она сделала шаг, потом оглянулась и вытащила телефон.

— Кстати, у тебя какой ник в Инсте? Подпишусь.

Я знал, что она имеет в виду Инстаграм¹ — приложение для фотографий, которое устанавливают на смартфоны. Мне им пользоваться не разрешалось, но я не хотел об этом говорить. Полез в карман, достал свой телефон.

Увидев его, Анна-Мари прямо засияла. Улыбка озарила все ее лицо. Потом раздался смех.

¹ Деятельность продуктов компании Meta (Instagram и Facebook) запрещена на территории РФ.

— У тебя «раскладушка»? — удивилась она. — Так, постой. Минутку. Я должна это сфоткать. Кассиди вообще не поверит.

Я улыбнулся в камеру — приятно, что Анна-Мари мной заинтересовалась. Потому что и я ею заинтересовался. Ее ногтями. Улыбкой во все лицо.

— Прелесть какая.

То есть я прелесть. Я улыбнулся. Она, по-моему, тоже прелесть.

— Я про телефон, — уточнила она. То есть не про меня. — Маленький-то какой. Прямо игрушечный. Знаешь, — Анна-Мари продолжала смеяться, — у моей бабули тоже такой. Вам бы с ней познакомиться. Будете посылать друг другу одинаковые эсэмэски и читать книжки с огромными буквами. — Она уже прямо изнемогала от смеха. — Или сходите поужинать в четыре часа дня, читаете меню сквозь лупу и, типа, поговорите про вязание крючком.

Я сообразил, что надо мной смеются. Вроде положено расстроиться. Но у меня не вышло. Я с радостью потусуюсь с ее бабулей. С удовольствием схожу с ней поужинать — если, понятное дело, в кошерный¹ ресторан. Подтяну свои познания в вязании, чтобы с честью поддержать разговор.

¹ Кошерная пища — пища, приготовленная в соответствии с кашрутом, сводом еврейских установлений, касающихся еды. Религиозному еврею строго запрещается есть некошерную пищу, а религиозная еврейка должна уметь вести кошерное хозяйство (например, использовать разную посуду для мясного и молочного); в еврейских домах употребляют только кошерные продукты (поэтому в общине обязательно должен быть свой магазин).

Будем надеяться, что Анна-Мари тоже придет, — пусть дразнит меня сколько хочет, я буду только потеть во всех своих одежках.

— Супер, — сказал я. — Попроси ее мне позвонить.

Но Анна-Мари только помахала на прощание. Я смотрел, как Борнео тащит ее по тротуару. Она повернула на Рид-Лейн, скрылась за углом.

— Иехуда.

Я поднял голову и увидел ребе Морица. Обычно если кто из нас уходит погулять во время уроков, значит, ему нужно что-то обдумать или осмыслить. Если он долго не возвращается, ребе идет следом проверить, все ли хорошо, не нужно ли ученику что-то обсудить. Я, похоже, здорово подзадержался.

— А, ребе. Очень интересное дерево, согласны? Чуть ли не лучшее дерево во всей округе.

— С тобой все в порядке, Иехуда?

— Да нормально у меня все.

— У тебя что-то на уме? — спросил Мориц.

На уме у меня была только одна вещь, поэтому я промолчал.

— А я думал, Мойше-Цви шутит, когда говорит, что дал тебе по голове.

— Вы знаете, где находится Борнео, ребе? — спросил я.

— Нет, — ответил он.

— В океане, — поведал я ему. — Это остров. Острова вообще в океане.

— Идем в школу, — сказал ребе Мориц. — Пора на молитву. По пути расскажешь мне про лучшие деревья в округе.

Я повернулся и зашагал с ним рядом.

В классе мы прочитали минху¹, дневную молитву. Я пошел в бейс-медреш², сел рядом с Мойше-Цви. Он, как всегда, молился сосредоточеннее всех, наклонялся, выпрямлялся, кончики его бело-голубых цицес³ плясали на поясе, молитвенник он прижимал к носу.

А я с трудом произносил молитвы. Попытался сосредоточиться на «Алейну»⁴ — прославлении Господа — и едва не забыл поклониться. И уж совсем забыл плюнуть, хотя обычно мы с Мойше-Цви всегда плевались одновременно.

Плюемся мы понарошку, потому что на полу в бейс-медреше лежит ковер. Нужно только издать соответствующий звук, такое «тьф-фу», прижав язык к передним зубам. Смысл в том, что мы протестуем против давления христиан на еврейскую молитву и отплевываемся между произнесением отдельных строк. В старых синагогах стояли специальные плевательницы — это было классно, потому что

¹ Минха («дар, приношение») — полуденная молитва.

² Бейс-медреш (буквально — «дом учения») — помещение для изучения Торы и для молитвы, расположенное либо при синагоге, либо при иешиве. От собственно иешивы отличается тем, что сюда для изучения Торы может прийти любой мужчина.

³ Цицес — у взрослого мужчины вокруг пояса постоянно обернуто молитвенное покрывало, талес, которое накидывают на плечи во время молитвы; к четырем углам талеса привязаны шнурки с кисточками, цицес, напоминающие о заповедях.

⁴ Алейну («Нам надлежит») — молитва, которую читают по окончании каждой службы.

«плевательница» — отличное слово, а еще потому, что плевательницы стоило бы поставить повсюду.

Мойше-Цви несколько раз плевался по-настоящему, на пол к его ногам шлепались большие жирные плевки. Ему за это не влетело. За молитвенное рвение не влетает. Можешь на Песах принести в жертву козу, и раввины, стоя по колено в крови и глядя, как коза перед смертью сучит ногами, скажут:

— Мальчик предан своей вере.

А перестал Мойше-Цви плеваться не потому, что плевки нужно за собой убирать. Передумал он, когда соседи стали плевать ему на ботинки. Официально он это оправдал так:

— Если мы отплевываемся, дабы умерить тщеславие неверующего, это можно оправдать, но если речь идет только о протесте против средневекового преследования, значит, все это основано на светской традиции, а не на еврейском законе, в каком-то случае переход к простой пантомиме вполне приемлем. Насколько я помню, ребе Исмар Эльбоген говорил...

— Дело точно не в том, что Рувен харкнул тебе на ботинки? — уточнил я у него.

— Совершенно точно.

— Прямо вот безусловно?

— А что в мире безусловно, Худи?

Когда минха завершилась, я повесил шляпу на свой крючок и вышел из бейс-медреша на солнышко. Нужно было возвращаться в главное здание на уроки, но я точно знал, что сегодня больше уже ничего не выучу.

ГЛАВА 2,

в которой я знакомлю вас со своим семейством

По понятным причинам познакомиться с моими родными вы не можете. Я про них просто расскажу. Начнем с меня. Я же тоже собственная родня.

Почти все зовут меня Худи, но это прозвище. Имя мое Иехуда — еврейский вариант имени Иуды, сына Иакова. Известен этот сын прежде всего тем, что из зависти бросил брата своего Иосифа в яму. У меня брата нет, поэтому по поводу братобросания в ямы можно не переживать.

Фамилия моя Розен.

Вы, наверное, уже мысленно нарисовали мой портрет. Если вы основываетесь на сильно преувеличенных еврейских стереотипах, то попали прямо в точку. Мазл-тов¹. Я такая ходячая бар-мицва: темные курчавые волосы и весьма выдающийся нос. Я худой, среднего роста. Не больно проворный,

¹ Мазл-тов — поздравляю.

однако бросок левой в прыжке у меня очень приличный. В нашей команде иешивы первой ступени только Хаим Абрамович забивает больше меня. Мы — единственные младшие ешиботники¹, которых пускают тренироваться с университетской сборной.

Единственное, наверное, в чем я не подпадаю под стереотип, — я не ношу пейсы². Семья у нас ортодоксальная. Весьма соблюдающая. Фрум. Но мы не хасиды³, и в некоторых вещах у нас есть свобода выбора. Папа баки стрижет коротко, я тоже.

Вы, наверное, уже мысленно нарисовали портрет моей семьи. Если вы основываетесь на сильно преувеличенных стереотипах касательно ортодоксов, вы попали в самую точку. Мазл-тов. В свою «Хонду-Одиссей» мы помещаемся только при одном условии: если кладем Хану на колени, — и вот прямо сейчас, пока я вам это рассказываю, родители наверняка вовсю стараются, чтобы нас хватало на целый минивэн.

В нашей иешиве, как и в большинстве ортодоксальных учебных заведений, двойное расписание. С утра мы изучаем

¹ Ешиботник — студент иешивы.

² Пейсы — длинные, часто завитые пряди на висках, которые во многих общинах обязательны для всех мужчин как знак принадлежности к еврейству.

³ Хасиды («благочестивые») — представители течения в иудаизме, возникшего в Восточной Европе в начале XVIII века. Хасиды крайне усердны в изучении Торы и признают власть своего местного духовного наставника — цадика. Современные хасиды очень консервативны в одежде, в частности мужчины носят длинные сюртуки (капоты), черные шляпы, нестриженные бороды и обязательно пейсы.

иудаизм — Тору, еврейскую библию. После обеда — общеобразовательные предметы, типа историю и математику. Из школы возвращаемся в шесть вечера.

В тот день я собирался сразу после уроков пойти домой ужинать, но старшая сестра Зиппи прислала мне сообщение, что папа задержится на работе, так что ужинать всей семьей мы не будем. Вернее, так я это понял. На самом деле там было написано: «Папа задался на роте. Едем бес его».

Зиппи у нас умора¹.

«Заду поглажу как он и отпишусь», — послал я в ответ.

Стройплощадка почти по дороге из школы к дому, я туда завернул по пути. Зиппи у нас никогда не ошибается, потому что — оп-па! — вот он папа, стоит на краю стройплощадки рядом с большой кучей мусора.

И мое семейство, и вся наша ортодоксальная община раньше жили в городке Кольвин. А потом многим семьям из общины жить в Кольвине стало не по карману. Некоторые перебрались сюда, в Трегарон, где открыли новую школу и новую синагогу.

Мы не из-за денег переехали. А потому что папа работает в проектировочной фирме, которая строила — вернее, пыталась построить — многоэтажку для семей, переехавших вместе с нами.

Когда было принято решение перевезти часть общины в Трегарон, папина фирма купила большое здание рядом

¹ Речь о том, что Зиппи иногда отправляет сообщения, исправленные автокорректором.

с железнодорожной станцией. Раньше тут был кинотеатр, но он давно закрылся, здание пустовало.

Кинотеатр папина фирма снесла. На его месте теперь огромный пустырь, засыпанный песком, — похоже на маленькую Сахару.

Папа стоял и разглядывал кучу мусора рядом с бездействующим экскаватором. Солнце уже садилось, но желтые дверцы все еще ярко блестели.

— Ненависть их не знает границ, — сказал он. — И они трусы, Иехуда. Ослеплены своим фанатизмом. Мы снова и снова начинаем одну и ту же битву, поколение за поколением, тысячелетие за тысячелетием.

С того самого момента, когда мы открыли иешиву, а папина фирма купила кинотеатр, местные постоянно пытаются помешать нашему переезду. Говорят о нас как о захватчиках — мы, типа, прискачем на конях с факелами и копьями, подожжем их дома и перережем их самым кошерным образом. В онлайн-газете написали, что мы погубим их «уклад» — типа, будем ходить из дома в дом и умыкать их бекон, конфисковывать морепродукты¹, днем в пятницу вытаскивать аккумуляторы из их машин, чтобы в шабес они никуда не смогли поехать. Женщине, которая сдала нам свой дом, поступали угрозы от соседей.

— Когда возникает такой страх, страх перед нами, это всегда заканчивается одним и тем же, — сказал папа. — Тем, что

¹ Кашрут строго запрещает употреблять в пищу свинину и мясо морских животных.

случилось на Украине с твоими прабабкой и прадедом. Тем, что сейчас происходит в Бруклине.

На Украине, в родном местечке¹ моих предков, произошел погром. Поубивали многих мужчин-евреев, а оставшихся силком забрали в армию. Мой прадед отрезал себе палец на ноге, чтобы его не забрали. В Бруклине в последнее время было несколько нападений на евреев. Но здесь ничего такого не случится. Это же не Старый Свет. Если я, например, лишусь пальцев на ногах, то только по какой-то нелепой случайности. И это не Нью-Йорк. Трегарон — тихий сонный городишко. Не станут местные на нас нападать.

— Все везде одно и то же, — повторил отец. — Одно и то же.

Я это от него слышал и раньше, но в интонации всегда звучала надежда. Сегодня было иначе. На кучу мусора он смотрел не торжествуя, не воображая себе, как семьи евреев садятся за субботнюю трапезу, готовят на кошерных кухнях, где два холодильника², отплеваются в новенькие блестящие плевательницы. Взгляд у него потух, он видел только мусор.

¹ Местечко (штетл) — поселение в Восточной Европе, где имелось значительное (но не обязательно преобладающее) еврейское население. В местечке обязательно существовала община и все ее основные атрибуты (синагога, хедер, иешива и пр.). В конце XIX — начале XX века из местечек началась массовая эмиграция в Америку, поэтому многие американские евреи ведут свою родословную из того или иного местечка.

² Кашрут предполагает раздельное хранение, приготовление и употребление в пищу мясных и молочных продуктов.

— Мы собирались начать стройку сегодня, — сказал папа. — Но вчера вечером состоялось экстренное заседание городского совета. В десять вечера оно состоялось. Чтобы изменить закон о зонировании, они созвали заседание в десять вечера. И по новому закону этот участок можно использовать только под коммерческую застройку. Никакого жилья.

Папа почесал бороду, но отнюдь не задумчиво. И вдруг будто состарился. Ему только исполнилось сорок, но в бороде уже проседь, глаза усталые, веки набрякшие.

— И все эта женщина, — добавил он.

Я огляделся в поисках женщины, но кроме нас двоих никто не вышел полюбоваться на закат солнца над пустой стройплощадкой.

— Какая женщина?

— Диаз-О'Лири, — сказал он.

Моника Диаз-О'Лири, мэр городка. Главная наша противница. Она написала статью в онлайн-газету, она организовала кампанию, по ходу которой жители начали выставлять таблички перед домами. Таблички с надписью: «У ТРЕГАРОНА СВОЕ ЛИЦО. СКАЖИ “НЕТ” НОВОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ».

У нашей соседки таких стояло целых две.

— И что теперь?

— Ну, можно набрать в городской совет своих людей и отменить решение, но для этого нужно поселить в городе достаточное число выборщиков, а это будет не прежде, чем мы закончим строительство, а нам к нему даже не приступить, пока

не изменится состав совета. Так что не знаю. Начнем с юридических разборок.

— Я тебя понял. Только очень есть хочется. Можно сперва ужин, а потом юридические разборки?

Я зашагал к дому, оставив папу над кучей мусора. Дошел только до кошерного магазина, а там не выдержал и с голоду купил ирисок «Старберст». Кошерный магазин — единственный еврейский бизнес в городе. Он открылся в преддверии нового строительства. Принадлежит семье Хаима Абрамовича, он там тоже работает после занятий.

Американские «Старберст» не кошерные, а английские — да; в этот магазин их привозят из Англии.

Пройдя центральную часть города, я пересек железнодорожные пути и двинул напрямик через кладбище, которое отделяет деловую часть от основного жилого массива. Я тут каждый день прохожу по пути в школу, но как-то ни разу толком не вглядывался. А сегодня начал читать имена на надгробьях. Все типа ирландские: Квинн, Фланаган, О'Нил. Но нашли еще и какой-то Бернье, Лопес, Оливьери — хоть устраивай викторину на опознание покойников.

Рядом с покойным Оливьери обнаружился такой же неживой Хоновски. Уже стемнело, но я сумел прочитать имя полностью: Мириам Хоновски. Понятно: покойная еврейка. Я улыбнулся своей предшественнице.

За последним поворотом петливой кладбищенской аллеи я отыскал одного Коэна и одного Кантора. А вот еще одну

штуку я не заметил — то ли потому, что уже стемнело, то ли потому, что закат солнца возвестил об окончании Ту бе-ава и мысли мои вернулись к Анне-Мари, ее накрашенным ног-
тям, к ее крестику, плясавшему у ворота футболки.

Я еще и в дверь войти не успел, а меня уже поприветство-
вали: с крыши рухнула коробка, задела мне плечо.

— Хана, приветик, — сказал я.

У меня целая куча самых разных сестер. Хана одна из них. Она недавно выяснила, что через окно спальни можно выле-
зть на крышу, и теперь у нее новое любимое занятие: стоять там и кидаться в прохожих предметами средних размеров. Начала она со шуток потяжелее: мячей, книг. У меня до сих пор на руке синяк от степлера, которым она в меня запустила неделю назад. Но после этого она, хвала Господу, обнаружила, что снаряды полегче, но неправильной формы, вроде коробок с «Амазона», куда лучше подходят для оттачивания крышного снайперского мастерства.

— И я тоже рад тебя видеть. Как день прошел? — спросил я, глядя вверх, в темноту. Приспособиться глаза не успели — здоровенная коробка стукнула меня в висок, отскочила, наде-
лась мне на голову.

— Меткое попадание, — объявил я из коробки.

— Спасибо, — глухо откликнулась сверху Хана.

В прихожей я сбросил рюкзак на пол, пробрался по мин-
ному полю из игрушек и книжек, добрал до кухни. Зиппи си-
дела за кухонным столом. Зиппи всегда за кухонным столом.

Остальные — я, родители, сестры, которые не Зиппи, и даже сам наш дом — только планеты, вращающиеся вокруг Зиппи, нашего солнца, место которого всегда за кухонным столом.

Сверху доносились треск и грохот — там бесились еще какие-то сестры. Я слышал — а точнее говоря, не слышал, — как мама в своей спальне проверяет работы или пишет планы уроков. Слышал, как у меня урчит в животе. Но на Зиппи все это не производило никакого впечатления. Как и всегда. Зиппи сидела за компьютером, рядом — стопка бумаги и чашка кофе. Одета она была в длинную черную юбку и джинсовую рубашку. Воротник скособочился там, где на нем лежала коса.

Я подошел к разделочному столу и встал между двумя нашими электрическими бутербродницами; осматривал их, пытался принять решение.

— Которая из вас желает нынче отправиться со мною в странствие к сытости? — спросил я у бутербродниц. — Ты, молочная, желаешь в сырную одиссею? Или тебе, мясная, угодно поискать себе добычи?

— Это будет одиссея... нет, даже не буду говорить какая. Молочную бери, — посоветовала Зиппи.

— А тебя никто не спрашивает, — ответил я, обшаривая холодильник. — Вопрос мой был адресован...

— Мясные нарезки у нас кончились. Голди слопала последний кусок индейки.

Я произнес надлежащее благословение, вымыл руки. Потом засунул между двумя кусками хлеба побольше сыра и включил бутербродницу. Перебросил горячий бутерброд

на бумажное полотенце, произнес благословение хлеба — хотя, если честно, хлеба там почти не было, один сыр, особенно если говорить о калориях.

У нас на все есть благословения. Если бы в библейские времена делали бутерброды, мы благословляли бы и бутербродницу. Но бутербродов тогда еще не было. Тяжелые выпали на долю евреев испытания: блуждали, бедные, по пустыне, и ни одного горячего бутерброда насколько хватает глаз.

Я пристроился поесть прямо у разделочного стола. Обеденный весь забрала себе Зиппи, не притулишься.

— Как занятия прошли? — спросила Зиппи, не поднимая головы.

Она что-то прокручивала на экране компьютера и записывала цифры на листке бумаги.

Сердце у меня екнуло. Не стала бы она задавать такой вопрос, если бы ничего не знала. Что, встретила с одним из раввинов? Или кто-то видел, как я разговариваю с Анной-Мари?

— Да... нормально, — ответил я.

— Спрашиваю я потому, — продолжает Зиппи, — что мы тут получили мейл от ребе Морица, что у тебя уже «неуды» по математике и геморе¹.

Мейл наверняка отправили родителям, но они еще сто лет до него не доберутся. Может, и вовсе читать не станут. Зиппи

¹ Гемора — совокупность еврейского закона (галахи) и его письменных толкований.

уже под двадцать — можно было бы вычислить ее точный возраст, но, как вы уже поняли, с математикой у меня неважно, — поэтому она у нас такими вещами и занимается: отслеживает мейлы и звонки от учителей из своего офиса за столом.

— Мне кажется, ты не расстраиваться должна, а гордиться.

— Ну, пожалуй, — согласилась она. — Есть чем гордиться: ты всего за две недели сумел так запустить ситуацию, что ребе счел нужным нас об этом уведомить.

Впрочем, ни радости, ни гордости я у нее на лице не заметил. У Зиппи тут включаются личные чувства, потому что сама она очень сильна и в математике, и в священном писании. Школу окончила год назад, а теперь учится в колледже на инженера. Когда она снова заговорила, голос ее звучал устало и обреченно:

— И как это яблочко упало так далеко от яблони?

Я разгрыз корочку.

— Ты же не яблоня. Ты тоже яблочко. Так что вопрос в другом: как на одной и той же яблоне выросли яблочко спелое и наливное, а рядом — гнилое, кривобокое и червивое?

— Никакой ты не кривобокий и не гнилой, — сказала Зиппи (против моей червивости она не возражала). — Ты что вообще проходишь в этом году? Геометрию? Я знаю, тебе она плохо дается, но... ты что, не можешь постараться?

— Математика — из Ситры-ахры¹.

¹ Ситра-ахра («нечистая сторона») — этим словом называют все дурное, сомнительное, не относящееся к иудаизму и его изучению.

— У тебя все, что тебе не нравится, «с нечистой стороны».

— Ну прости. Я, видимо, неправильно выразился. Я хотел сказать вот что: Зиппи, дорогая моя старшая сестричка, математика — классная штука. Позанимаешься со мной?

— Сдалась тебе эта математика. Ты еврейский мальчик. Кого волнует, умеешь ты считать или нет? А вот гемора — другое дело. Еврейский мальчик должен знать Талмуд.

Она подняла голову, и впервые за все время взгляды наши пересеклись. У Зиппи глаза темные, глубоко посаженные, как и у меня. Смотреть на нее — все равно что смотреть на самого себя, если бы я вдруг стал старше, умнее, мудрее. И женщиной.

Я иногда совсем не прочь с ней поменяться.

Тяжелое это дело — быть единственным сыном в семье, на которого навалили все соответствующие ожидания. А я их не оправдывал: учился средненько. За всю жизнь ни разу не предложил ни одного приличного толкования Талмуда. По-древнееврейски читал с трудом. А вот Зиппи никто и не просил брать никаких высоких планок, но она все равно проделывала это с легкостью. Умела цитировать всякие заумные религиозные комментарии, а компьютерные симуляции по своей инженерной специальности создавала, потратив на это столько же умственной энергии, сколько у меня уходило на то, чтобы, скажем, надеть носки.

Над головами у нас что-то бухнуло, а потом плюхнулось, да так, что задрожал потолок. Так обычно плюхается Голди, но я, оказывается, ошибался.

— Это Ривка, — сказала Зиппи. — Я вижу по тому, как качается люстра.

Гипотеза ее оказалась верной, потому что следом раздались звуки, которые точно издавала Ривка: только она у нас умеет завывать как сирена скорой помощи.

— Ну вот что. Я с тобой позанимаюсь геморой, но только если ты разберешься с этим. — Зиппи указала ручкой на потолок.

— Я с этим разберусь, если ты сделаешь мне еще два бутерброда.

— Да ни за что.

— Ну и ладно.

Я подошел к столу, оставил на нем бумажное полотенце, а потом отправился наверх утешать Ривку.